

УДК 94(3)

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/47/33>

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИММЕРИЙЦЕВ И СКИФОВ С ГОСУДАРСТВОМ УРАРТУ
(ПО ДАННЫМ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ МАЛОЙ АЗИИ)**

©Чочиев Г. В., ORCID: 0000-0001-8082-7806, SPIN-код: 6774-1070, канд. ист. наук,
Владикавказский научный центр РАН, г. Владикавказ, Россия, georg-choch@yandex.ru

**THE RELATIONSHIP OF THE CIMMERIANS
AND SCYTHIANS WITH THE URARTIAN STATE
(ACCORDING TO THE MODERN ARCHEOLOGY OF ASIA MINOR)**

©Chochiev G., ORCID: 0000-0001-8082-7806, SPIN-code: 6774-1070, Ph.D.,
Vladikavkaz Scientific Center of RAS, Vladikavkaz, Russia, georg-choch@yandex.ru

Аннотация. В статье с опорой главным образом на данные современной турецкой археологии восточной части Малой Азии рассматриваются взаимоотношения государства Урарту с мигрировавшими в VIII–VII вв. до н.э. через Кавказ в Переднюю Азию евразийскими кочевниками — киммерийцами и скифами. Особое внимание уделяется вопросу о вкладе этих народов, прежде всего скифов, в военный разгром Урартского царства. В силу того, что после схода последнего с исторической сцены не позже 585 г. до н. э. его территория была включена в состав союзницы скифов Мидии, в историографии получила распространение точка зрения об определяющей роли мидийцев в демонтаже урартской государственности. Между тем археологический материал, выявленный в последние десятилетия в результате раскопок в урартских центрах ванского и соседних с ним регионов Восточной Турции, демонстрирует отсутствие каких-либо следов активности мидийцев в слоях разрушений и пожаров конца VII — начала VI в. до н.э., при том что относящиеся к скифам артефакты в них довольно многочисленны (в основном бронзовые, реже железные втульчатые и шипастые наконечники стрел, а также конское снаряжение, украшения в «зверином стиле» и др.). Наряду с отдельными свидетельствами письменных источников это дает основание для заключения о решающей роли кочевников в подавлении сопротивления гарнизонов большинства урартских городов–крепостей. Вследствие же того, что скифы, стремившиеся к расширению географии своих грабительских походов в сиро–палестинском направлении, не осели на захваченной территории, она вскоре перешла под политический контроль мидийской державы.

Abstract. The article, relying mainly on the data of modern Turkish archeology of the eastern part of Asia Minor, examines the relationship between the state of Urartu and the Eurasian nomads — the Cimmerians and the Scythians, — who migrated through the Caucasus to the Southwest Asia in the VIII–VII c. BC. Particular attention is paid to the contribution of these peoples, primarily the Scythians, to the military defeat of the Urartian Kingdom. Due to the fact that after the latter left the historical scene (no later than 585) its territory was incorporated into Media, the point of view about the decisive role of the Medes in the dismantling of Urartian statehood became widespread in historiography. Meanwhile, archaeological material discovered in recent decades as a result of excavations in the Urartian centers of the Van and neighboring regions of Eastern Turkey, shows the absence of any traces of the activity of the Medes in the layers of destruction and fires of the late

VII — early VI c. BC, while the artifacts related to the Scythians (mainly bronze, occasionally iron socketed and spiked arrowheads, as well as horse equipment, decorations in the ‘animal style’, etc.) are quite numerous there. Along with isolated evidence from written sources, this provides a basis for conclusion about the crucial role of the nomads in suppressing the resistance of the garrisons of most Urartian fortified cities. However, owing to the fact that the Scythians, who sought to expand their predatory campaigns in the Syro–Palestinian direction, did not settle in the occupied territory, it soon came under the political control of the Median state.

Ключевые слова: Малая Азия, киммерийцы, скифы, Урарту, Мидия, археологические источники.

Keywords: Asia Minor, Cimmerians, Scythians, Urartu, Media, archaeological sources.

Начавшееся на рубеже II–I тысячелетий до н.э. в степях Внутренней Азии миграционное движение ираноязычных скифо-сакских племен на запад в VIII в. до н.э. привело к их столкновению в Северном Причерноморье с близкими по культуре (и, возможно, языку) киммерийцами, занимавшими данную территорию в предшествующие столетия [1, с. 14–15, 159–160]. Согласно восходящей к Геродоту традиции, большая часть киммерийцев, не желая вступать в военное соперничество с более многочисленным и сильным противником, предпочла отступить в южном направлении и через кавказские проходы продвинулась в Закавказье и Переднюю Азию [2, с. 190]. Спустя какое-то время следовавшие за киммерийцами скифские группы также вторглись несколькими волнами в пределы региона. Эти миграции положили начало длившемуся несколько следующих веков присутствию здесь указанных кочевых народов, оказавших заметное влияние на исторические судьбы многих местных цивилизаций. Ниже коротко рассматриваются взаимоотношения киммерийцев и особенно скифов с царством Урарту на основе данных преимущественно современной турецкой археологии востока Малой Азии. Особое внимание уделяется вопросу о роли скифов в разрушении урартского государства.

К середине VIII в. до н. э. Урарту представляло собой крупное государство, границы которого охватывали пространство от Закавказья до северной Сирии и верхнего Евфрата. Таким образом, преодолевшие кавказские проходы киммерийцы вступили в непосредственный контакт с урартами.

Регулярно совершая набеги на урартские земли, киммерийцы нанесли ряд тяжелых поражений царям Русе I (735–714) и Аргишти II (714–685). Многие населенные пункты страны были разграблены и сожжены. Так, в ходе раскопок кургана Гириктепе/Дейирментепе близ Патноса (современная турецкая провинция Агры) обнаружен урартский дворец последней четверти IX или первой четверти VIII в. до н.э., разрушившийся в результате сильного пожара. Его возведенные из сырца стены превратились в обожженный кирпич, благодаря чему и сохранились до наших дней. Во дворце, наряду с другими предметами, найдены обуглившиеся от огня останки людей, погибших во время сражения. Предположительно дворец вместе с прилегающими постройками сгорел и обрушился вследствие молниеносной атаки врагов в конце VIII в. до н. э., причем находившиеся в нем люди не успели спастись [3, с. 157–158]. Этими врагами вероятнее всего были наступавшие со стороны Кавказа киммерийцы. Это подтверждает и тот факт, что Аргишти II в середине своего правления, то есть вскоре после указанных событий, вынужден был перейти к активным военным действиям на севере с целью противодействия нападением кочевников.

Вторгшиеся в период царствования Аргишти II с севера киммерийцы, углубившись в пределы Малой Азии, несомненно, начали представлять для урартов значительную опасность. Аргишти II предпринял для их сдерживания определенные меры, в основном сводившиеся к строительству оборонительных крепостей. Важнейшей из них стала хорошо укрепленная пограничная цитадель в современном Алтынтепе под Эрзинджаном, возведенная на возвышающемся посреди равнины естественном холме и окруженная высокими стенами. Такое укрепленное положение в дальнейшем позволило ей, в отличие от других урартских центров, избежать разграбления кочевниками [3, с. 172].

Наследовавший Аргишти царь Руса II (685–645), учтя опыт своего предшественника, проводил более осторожную и продуманную политику по отношению к киммерийцам. Заключив с ними союз против Ассирии, он расселил их часть на территории Урарту, а основную массу сумел убедить продолжить движение в западном направлении, в глубь Малой Азии, благодаря чему государство избавилось от данной угрозы [4, с. 111]. Можно предположить, что уход киммерийцев на запад был обусловлен также натиском двигавшихся вслед за ними скифских орд.

Преодолев таким образом киммерийский кризис и отстояв свою независимость, Урартское царство в первой половине VII в. до н.э. смогло продолжить политику социально-экономического и культурного развития и территориального расширения, характерную для эпохи его могущества [5, с. 113].

Более того, при Русе II, вероятно, началось привлечение в урартские войска в качестве наемников как киммерийцев, так и скифов. Археологическим подтверждением этого может служить типичное погребение воина-степняка с конем в современном Норшунтепе в районе Элязыга [6, с. 78]. Там же обнаружены три конских захоронения с элементами упряжи «скифского типа», среди которых обращают на себя внимание удила со скобчатыми псалями и фрагмент ременной застежки в виде головы грифона [7, с. 463].

О привнесении в этот период в регион кочевниками своих социокультурных особенностей свидетельствует и находящийся у современного села Бозкурт провинции Агры могильник курганного типа площадью около 12 км², схожий с курганными захоронениями Закавказья и Иранского Азербайджана, через территории которых проходили маршруты киммерийско–скифских миграций в Малую Азию [8, с. 71].

Если присутствие в регионе киммерийцев повлекло за собой серьезные, но все-таки преходящие трудности для урартской государственности, то скифская активность имела для нее гораздо более судьбоносные и разрушительные последствия.

Как было отмечено, Урарту в силу своего географического положения представляло собой своего рода ворота в Переднюю Азию для двигавшихся с севера номадов. Поэтому скифы, так же как ранее киммерийцы, преодолев кавказский перешеек, вступили в контакт прежде всего с этой цивилизацией.

В урартских клинописных памятниках скифы впервые упоминаются в так называемой Хорхорской хронике из Вана при описании событий, имевших место в районе оз. Севан в тринадцатый год царствования Аргишти I (786-764), то есть в 774 г. до н.э. В надписи, в частности, говорится: «Выступил я (в поход) на страну Этиуни, завоевал я страну Эриахи (и) страну Катарза, дошел я до страны Ишкигулу...» [9, с. 228]. Считается, что под «Ишкигулу» в данном фрагменте подразумевается территория доминирования скифов к югу от Кавказа (термин, вероятно, связан с аккадским наименованием скифов «ишкуза/ашгуза»). Это название зафиксировано также в более поздней урартской надписи из Ганлиджи (Армения) [5, с. 71] и на обнаруженной в Топраккале печати, относящейся к периоду правления Русы I (735–714) [10, с. 6–7].

Начиная уже с 70-х гг. VII в. до н. э. скифы стали оказывать заметное влияние на этническую и политическую историю Передней Азии, включившись в борьбу между ведущими государствами региона. Так, они приняли активное участие в войне между Ассирией и Манной на стороне последней, причем разрушить скифо–маннейский союз царь Ассирии Асархаддон смог, лишь отдав свою дочь замуж за царя скифов Партатуа [11, с. 282–283].

С началом притока с севера больших групп скифов царь Урарту Руса II, следуя своей испытанной ранее при вторжении киммерийцев осторожной и дальновидной политике, заключил с ними договор, в соответствии с которым скифы без вооруженных действий проследовали через урартские земли в Манну, к границам Ассирии. Подтверждением этого служит содержащаяся в одной из урартских надписей фраза о том, что «... Сагадумтар, сын царя Ишкигулу, отбыл из города царя Русы, сына Аргишти, в страну Манна» [12, с. 105]. Благодаря этому дипломатическому успеху Руса II на данном этапе избежал войны со скифами и разграбления ими своих владений и даже приобрел в их лице потенциального союзника для борьбы против самого опасного соперника урартов — ассирийской державы.

Таким образом, по соглашению, которого достигли Руса II и Сагадумтар (по другому прочтению – Сагаштара [9, с. 348]), скифам было позволено беспрепятственно пройти через урартскую территорию для поселения в стране маннеев. Несмотря на это, Руса II не пренебрегал и оборонительными мерами на случай возникновения в будущем угрозы со стороны скифов, создавая новые укрепленные поселения, особенно в районах скопления больших масс кочевников. В качестве примеров, подтверждающих совершенствование в этот период урартской фортификационной системы, могут быть названы города–крепости Бастам, Кале-Сийях, Кызкалеси, Даналу, Калеоглу, Сангар и др., построенные в окрестностях оз. Урмия в VII в. до н.э. Обнаруженные здесь наконечники стрел скифского типа и иной археологический материал свидетельствуют о высокой концентрации скифов в данном регионе в рассматриваемое время [12, с. 105–106].

На существование на определенном этапе правления Русы II комплементарных отношений между скифами и урартами указывает также наличие среди материалов раскопок в Кармир–Блуре (Тейшебаини), Алтынтепе и других центрах заметного числа скифских артефактов, характерных скорее для мирного культурного обмена, чем войны, – конских упряжей, украшений и т.п. [5, с. 241–242; 3, с. 173–174].

Впрочем, союз этот оказался недолговечным: дальнейшее развитие событий в регионе свидетельствует о скором завершении скифо–урартской дружбы. Руса II, ранее ради спасения своей страны направивший кочевников–скифов в Манну, не смог этим полностью устранить опасность, и по прошествии некоторого времени скифы вместе с усилившимися в Иране мидийцами вновь стали угрожать урартскому государству, вынудив его царя около 639 г. до н.э. искать поддержки у своего давнего врага – Ассирии [13, с. 30–31].

С другой стороны, установившие в конце VII в. до н. э. свое господство в Иране мидийцы, вступив во взаимодействие со скифами, создали серьезную угрозу для самой Ассирии. В 612 г. до н. э. мидийцы и скифы в союзе с вавилонянами взяли столицу Ассирии Ниневию, вскоре после чего эта держава прекратила свое существование. С падением Ассирии доминирующей силой в регионе становятся скифы и мидийцы.

С конца VII в. до н. э. скифы стали совершать регулярные атаки на урартские земли, предавая их огню и мечу. Уже к 585 г. до н.э. ими в ходе ночной атаки был разрушен и сожжен последний оплот урартской государственности — основанный Русой II город Тейшебаини (Кармир–Блур) в современной Армении, — что подтверждается большим

количеством выявленных здесь скифских наконечников стрел и скелетных останков защитников города из числа его жителей [5, с. 240–241].

Еще раньше пали другие крупные центры страны в ванском регионе. В частности, не избежал погрома город Топраккале (Русахинили), также построенный Русой II. Тридцатисантиметровый слой пепла в его крепости указывает на обрушение в результате пожара кровли и деревянных конструкций; при этом сырец, из которого были сделаны стены, превратился в обожженный кирпич [3, с. 175]. Скифами были разграблены и такие урартские города–крепости, как Чавуштепе (Сардурихинили) и Каялыдере. В них перед крепостными стенами, в самих стенах и внутри крепости обнаруживаются тысячи втульчатых и, как правило, шипастых наконечников стрел скифского типа. В Чавуштепе встречаются также скифские трехлопастные втульчатые наконечники [3, с. 182]. Примечательно, что при раскопках в указанных городах не были выявлены следы присутствия мидийцев, при том что относящиеся к скифам артефакты здесь довольно многочисленны [14, с. 47].

Факт аннексии скифами урартских земель вокруг оз. Ван получил отражение и в вавилонской хронике, сообщающей о продвижении скифов в 609 г. до н. э. «...вплоть до области города Урарту (т. е. древней столицы Тушпы — Г.Ч.)», а в следующем году и до верховьев Тигра [15, с. 172; 16, с. 24, 36, 42], что вообще является одним из последних упоминаний об этом государстве в письменных источниках. Можно предположить, что в силу того, что после разгрома Урарту кочевники-скифы не осели в регионе, а предприняли массированные походы за добычей в Сирию, Палестину и Египет, данная территория была вскоре занята и административно инкорпорирована мидийской державой [17, с. 41]. Это подтверждается и тем обстоятельством, что в 585 г. до н. э. мидийские войска, не встречая никакого сопротивления, проследовали через Тушпу в западном направлении для участия в сражении с лидийцами на р. Галис [3, с. 177-178].

Итогом описанной выше активности скифов в Передней Азии стал подрыв военной мощи, влияния, а затем и самой государственности Урарту. Обнаруженные в значительном количестве во многих урартских центрах артефакты, которые с высокой степенью вероятности могут быть атрибутированы скифам, дают представление о масштабах оказанного этими кочевниками на урартскую цивилизацию давления. Наиболее известными из таких находок являются следующие:

–обнаруженные в Чавуштепе с внутренней и внешней сторон крепостных стен многочисленные бронзовые наконечники стрел скифского типа и два элемента конской сбруи в виде выполненных из кости в степном «зверином стиле» бараньих голов, демонстрирующие явное сходство с образцами из скифских курганов Евразии;

–обнаруженные в Топраккале наконечники стрел скифского типа;

–обнаруженные в Норшунтепе вместе с конскими захоронениями два железных втульчатых наконечника копий, один топор с отверстием в топорнице, один акинак, два бронзовых элемента удила, одно крепление для конского снаряжения, два ременных распределителя в виде фигурок животных, один браслет и один резак;

–обнаруженные в Алтынтепе в захоронениях всаднические принадлежности, конская сбруя, детали удила в виде выполненных в «зверином стиле» птичьих голов, железные наконечники стрел и копий, топоры, а также тонкие бронзовые пластины длиной более полуметра с рельефными изображениями вооруженных луками и копьями всадников, крылатых и бескрылых быков и лошадей, бегущих львов и козлов и других животных;

–обнаруженные в Каялыдере бронзовые наконечники стрел скифского типа, а также ременная пряжка с напоминающими «звериный стиль» фигурками животных и крылатый лев

с головой птицы, явно отличающиеся по форме от урартских образцов;

–обнаруженный в Дегирментепе наконечник стрелы скифского типа [10, с. 8–10; 18, с. 36–37; 19, с. 79; 20, с. 56–57].

Перечисленные артефакты свидетельствуют о том, что почти все основные урартские города подвергались нападениям и разграблению со стороны скифов. Это дает достаточные основания утверждать, что государство Урарту пало под ударами скифов или, во всяком случае, они сыграли в его разрушении весьма существенную роль.

Проведенные в последние одно-два десятилетия на востоке Турции довольно интенсивные раскопки (в урартских поселениях Йонджатепе, Юкары–Анзаф, Ашагы–Анзаф, Аянис и др.) позволили выявить новый археологический материал VII — начала VI в. до н. э., который может быть интерпретирован, по крайней мере в предварительном плане, как имеющий отношение к присутствию и деятельности в регионе скифов. Ниже кратко характеризуются некоторые результаты этой работы.

В поселении Йонджатепе (в 9 км к юго–западу от современного города Ван) в ходе раскопок 2004 г. были обнаружены следы нападения скифов и синхронных им попыток населения укрыться с частью имущества на близлежащей горе Эрекдаг. Наличие в сосудах для хранения продовольственных запасов большого количества остатков пшеницы и бобовых дает основание предположить, что город был разграблен и сожжен вскоре после сбора урожая, вероятнее всего во второй половине сентября. Найденные у подножия акрополя многочисленные бронзовые наконечники стрел скифского типа вполне определенно указывают на то, кем было осуществлено нападение [21, с. 165–166, 170; 22, с. 465].

Материал раскопок в Юкары–Анзафе, располагавшемся в стратегически важном пункте на дороге из Закавказья и Северного Ирана в Тушпу (в 11 км северо–восточнее последней), свидетельствует о том, что население после начала скифской атаки укрылось в крепости, однако скифам при помощи зажигательных стрел удалось поджечь многие крепостные постройки. Ввиду продолжительности осады люди были вынуждены бросать очажную золу и бытовой мусор на пол жилых помещений. В одной из комнат были найдены бронзовый умбон от конской сбруи, сильно окислившийся обломок железного ножа и три железных наконечника стрел скифского типа. Там же обнаружены два бронзовых наконечника – урартский и скифский. Последний, имеющий два плечика и один шип, является еще одним важным подтверждением разрушения крепости скифами [23, с. 380, 383, 386–387, 389].

В крепости Ашагы–Анзаф в ходе раскопок 1999 г. также были выявлены следы разбрасывания пепла и пищевых отходов по полам кухонных помещений, что указывает на ожесточенный и длительный характер атаки [24, с. 386], по всей видимости, не позволявшей жителям даже на короткое время покинуть свои дома. В 2000 г. там же в кухонных помещениях была найдена скифская конская сбруя из кости. С другой стороны, факт необнаружения в Ашагы–Анзафе каких-либо мелких бытовых предметов (за исключением одной броши для волос из слоновой кости) может объясняться произведенным скифами в этом поселении тотальным грабежом [25, с. 279].

В крепости Аянис, также находящейся в ванском регионе, в 1998 г. выявлены железные и бронзовые наконечники стрел, из которых в особенности бронзовые весьма близки к скифскому типу [26, с. 401]. Там же в 1999–2000 гг. в строении, представлявшем собой, вероятно, склад при храме, обнаружены остатки сгоревших деревянных балок, из которых извлечено большое количество железных и бронзовых наконечников стрел, а также украшенные бронзовыми пластинами колчаны, наконечники копий и гвозди с шляпками в виде орлиных голов [27, с. 290].

Судя по данным раскопок в Аянисе и Юкары–Анзафе, для противодействия

участившимся с конца VII в. до н. э. скифским набегам урартами принимались порой чрезвычайные меры оборонительного характера. Так, в этих городищах были временно заложены каменной кладкой главные ворота дворцовых комплексов, доступ же на их территорию осуществлялся через небольшие проломы в стенах. Правда, по прошествии некоторого времени — видимо, в связи с уменьшением опасности — проломы были ликвидированы, а главные ворота восстановлены [22, с. 451].

Действия скифов в регионе имели для урартов губительные последствия не только в политической, но также и в экономической и технологической сферах. В частности, скифами был положен конец металлургическому производству, процветавшему в Урарту на протяжении почти всей первой половины I тыс. до н. э. Вследствие разрушения скифами рудников и металлообрабатывающих мастерских самая передовая металлоиндустрия Передней и Малой Азии в VI в. до н. э. пришла в полный упадок [28, с. 5–6].

В то же время между скифами и урартами, несомненно, имело место определенное взаимодействие в области искусства. Так, обнаруженные близ села Гекчешейх в современной провинции Эрзурум ритон из рога с протомой барана и два ритона с запряженными лошадьми (одна из лошадей в богатой сбруе, другая — в более простой) в целом вписываются в рамки скифского «звериного стиля», хотя несут на себе и явные признаки фригийского и ахеменидского влияния. Следы скифского влияния обнаруживают также происходящие из того же региона ритон с протомой быка и серебряный ритон с грифоном [29, с. 19].

В заключение отметим, что изложенные выше данные убедительно свидетельствуют о достаточно интенсивном и стабильном присутствии евразийских конных кочевников — киммерийцев и скифов — в закавказско-переднеазиатском регионе и, в частности, на востоке Малой Азии. Они также подтверждают, что подрыв сложившегося здесь баланса сил и падение Урартского царства стали результатом военного натиска на эту цивилизацию прежде всего со стороны скифов, действовавших, разумеется, как самостоятельно, так и совместно со своими союзниками-мидийцами, которые установили в дальнейшем свой контроль над захваченными крепостями [30, с. 116]. Весьма важным представляется факт наличия в археологически исследованных урартских городах, крепостях и культовых центрах следов масштабной катастрофы, обычно совпадающих по времени с обнаруживаемыми там же многочисленными бронзовыми, реже железными втульчатыми и шипастыми наконечниками стрел с двумя или тремя плечиками, часто в вонзенном в крепостные стены положении. Такие наконечники были, как известно, привнесены в Переднюю и Малую Азию киммерийцами и скифами. Все это указывает на то, что в разгроме урартской державы кочевники сыграли если не единоличную, то решающую роль [6, с. 87]. Хотя нельзя исключать заимствования и использования втульчатых шипастых наконечников и другими народами, все же едва ли правомерно игнорировать то обстоятельство, что данный тип вооружения внезапно в массовом количестве появился в регионе именно после вторжения скифов. Характер выявленных при раскопках находок и следов разрушений и пожаров также оставляет немного сомнений в том, что сопротивление местных гарнизонов и населения почти во всех случаях было сломлено скифскими отрядами, сравнявшими с землей одну за другой основные урартские цитадели. Мидийцы же, по всей видимости, сумели воспользоваться ситуацией для того, чтобы занять и политически подчинить себе ввергнутую в хаос и обескровленную страну [31, с. 259].

Таким образом, несмотря на то, что урартскому государству временами удавалось заключать соглашения о мире со вторгшимися с севера в Переднюю Азию кочевниками, оно оказалось не в состоянии противостоять усилившемуся в конце VII — начале VI в. до н. э.

скифскому давлению и не позже 585 г. до н. э. сошло с исторической сцены. С гибелью Урарту завершилась и эпоха скифо–урартских отношений.

Список литературы:

1. Иванчик А. И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996. 323 с.
2. Геродот. История. Л.: Наука, 1972. 600 с.
3. Belli O. Urartular // Anadolu Uygurluklari. I. İstanbul: Görsel Yayinlari, 1982. S. 139-208.
4. Tarhan M. T. Eski Anadolu Tarihinde Kimmerler // I. Arařtırma Sonuçları Toplantısı. Ankara: Eski Eserler ve Müzeler Genel Müdürlüğü Yayınları, 1984. S. 109-120.
5. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М.: Издательство восточной литературы, 1959. 344 с.
6. Sevin V. Urartu Devleti // Arkeo Atlas. 2005. №4. S. 62-94.
7. Yıldırım R. Urartu At Gemleri // Belleten. 1987. C. LI. №200. S. 441-496.
8. Özfirat A. Bozkurt Kurgan Nekropolü Kazısı // Uluslararası Kazı, Arařtırma ve Arkeometri Sempozyumu'nun 30. Yılı Anısına Türkiye Arkeolojisi (ed. F. Bayram). Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2008. S. 70-71.
9. Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи. М.: Издательство АН СССР, 1960. 504 с.
10. San O. Bazı Bulgular Işığında Anadolu'da Kimmer ve İskit Varlığı Üzerine Gözlemler // Belleten. 2000. C. LXIV. №239. S. 1-21.
11. Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 572 с.
12. Çilingiroğlu A. Urartu Tarihi. İzmir: Ege Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayınları, 1994. 150 s.
13. Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам // Вестник древней истории. 1951. №2. С. 29-39.
14. Çilingiroğlu A. Urartu Krallığı Tarihi ve Sanatı. İzmir: Yaşar Eğitim ve Kültür Vakfı Yayınları, 1997. 171 s.
15. Burney C., Lang D. M. The People of the Hills: Ancient Ararat and Caucasus. New York: Praeger, 1971. 324 p.
16. Gadd C. J. The Fall of Nineveh: The Newly Discovered Babylonian Chronicle, №21901, in the British Museum. L.: Oxford University Press, 1923. 42 p.
17. Erzen A. Eastern Anatolia and Urartians. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1992. 114 s.
18. Dönmez Ş. Önasya'da İskitler // Türkler (ed.: H. C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca). IV. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. S. 33-44.
19. Burney C. A. A First Season of Excavations at the Urartian Citadel of Kayalidere // Anatolian Studies. 1966. T. XVI. P. 55-111.
20. Özgüç T. Kültepe Kazıları, 1959 // Türk Arkeoloji Dergisi. 1960. T. X. №1. S. 55-57.
21. Belli O., Tozkoparan M. 2004 Yılı Van-Yoncatepe Nekropolü Kazısı // 27. Kazı Sonuçları Toplantısı. I. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2006. S. 165-182.
22. Belli O. 2009 Yılı Van-Yoncatepe Sarayı, Nekropolü ve Aşağı Kenti Kazıları // 32. Kazı Sonuçları Toplantısı. I. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2011. S. 446-472.
23. Belli O. 1995 Yılı Aşağı ve Yukarı Anzaf Urartu Kaleleri Kazısı // 18. Kazı Sonuçları Toplantısı. I. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1997. S. 379-410.
24. Belli O., Ceylan A. 1999 Yılı Anzaf Kaleleri Kazısı ve Onarım Çalışmaları // 22. Kazı Sonuçları Toplantısı. I. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2001. S. 385-398.

25. Belli O. Eski Çağ ve Orta Çağ'da Türklerde Kurgan Yapma Geleneği // Türkler (ed.: H. C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca). III. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. S. 927-931.
26. Çilingiroğlu A., Derin Z. Ayanis Kalesi Kazıları, 1998 // 21. Kazı Sonuçları Toplantısı. I. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2000. S. 397-408.
27. Çilingiroğlu A., Abay E., Derin Z. 1999-2000 Yılları Van-Ayanis Urartu Kalesi Kazıları // 23. Kazı Sonuçları Toplantısı. II. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2002. S. 287-296.
28. Kurt M. Yeni Asur Devleti'nin Kuzey Yayılımı ve Doğu Anadolu'nun Tarihî Coğrafyası // Doğu Anadolu Bölgesi Araştırmaları Dergisi. 2009. №1. S. 1-13.
29. Diler A. Gökçeşeyh Buluntuları Işığında Protomlu Boynuz Rhytonların Kökeni ve Gelişimi // Belleten. 1988. C. LII. №202. S. 19-31.
30. Aktüre S. Anadolu'da Demir Çağı Kentleri. İstanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 2003. 295 s.
31. Erzen A. Van Bölgesinde Yeni Urartu Araştırmaları (1974'ten 1976'ya Kadar) // VIII. Türk Tarih Kongresi. Bildiriler (Ankara, 11-15.10.1976). I. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1979. S. 251-262.

References:

1. Ivanchik, A. I. (1996). Kimmeriitsy. Drevnevostochnye tsivilizatsii i stepnye kochevniki v VIII-VII vv. do n. e. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, 323. (in Russian).
2. Herodotus (1972). Istoriya. Leningrad, Nauka, 600. (in Russian).
3. Belli, O. (1982). Urartular. In: *Anadolu Uygurluklari*, (I). Istanbul, Görsel Yayinlari, 139-208. (in Turkish).
4. Tarhan, M. T. (1984). Eski Anadolu Tarihinde Kimmerler. In: *I. Arashtirma Sonuclari Toplantisi Bildirileri*. Ankara, Eski Eserler ve Müzeler Genel Müdürlüğü Yayinlari, 109-120. (in Turkish).
5. Piotrovskii, B. B. (1959). Vanskoe tsarstvo (Urartu). Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 344. (in Russian).
6. Sevin, V. (2005). Urartu Devleti. *Arkeo Atlas*, (4), 62-94. (in Turkish).
7. Yıldırım, R. (1987). Urartu At Gemleri. *Belleten*, (LI/200), 441-496. (in Turkish).
8. Özfırat, A. (2008). Bozkurt Kurgan Nekropolü Kazisi. In: *Uluslararası Kazi, Arashtirma ve Arkeometri Sempozyumu'nun 30. Yili Anısına Türkiye Arkeolojisi* (ed. F. Bayram). Ankara, Kültür ve Turizm Bakanligi Yayinlari, 70-71. (in Turkish).
9. Melikishvili, G. A. (1960). Urartskie klinoobraznye nadpisi. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 504. (in Russian).
10. San, O. (2000). Bazı Bulgular Işigında Anadolu'da Kimmer ve Iskit Varlığı Üzerine Gözlemler. *Belleten*, (LXIV/239), 1-21. (in Turkish).
11. Dyakonov, I. M. (2008). Istoriya Midii ot drevneishikh vremen do kontsa IV v. do n. e. St. Petersburg, Filologicheskii fakultet SPbGU, 572. (in Russian).
12. Chilingiroglu, A. (1994). Urartu Tarihi. Izmir, Ege Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Yayinlari, 150. (in Turkish).
13. Dyakonov, I. M. (1951). Poslednie gody Urartskogo gosudarstva po assiro-vavilonskim istochnikam. *Vestnik drevnei istorii*, (2), 29-39. (in Russian).
14. Chilingiroglu, A. (1997). Urartu Kralligi Tarihi ve Sanati. Izmir, Yashar Egitim ve Kültür Vakfi Yayinlari, 171. (in Turkish).
15. Burney, C. & Lang, D. M. (1971). The People of the Hills. Ancient Ararat and Caucasus. New York, Praeger, 324.
16. Gadd, C. J. (1923). The Fall of Nineveh. The Newly Discovered Babylonian Chronicle, no. 21901, in the British Museum. London, Oxford University Press, 42.

17. Erzen, A. (1992). Eastern Anatolia and Urartians. Ankara, Türk Tarih Kurumu Yayinlari, 114.
18. Dönmez, Sh. (2002). Önasya'da Iskitler. In: *Türkler* (ed.: H. C. Güzel, K. Chichek, S. Koca), (IV). Ankara, Yeni Türkiye Yayinlari, 33-44. (in Turkish).
19. Burney, C. A. (1966). A First Season of Excavations at the Urartian Citadel of Kayalidere. *Anatolian Studies*, (XVI), 55-111.
20. Özgüch, T. (1960). Kültepe Kazilari, 1959. *Türk Arkeoloji Dergisi*, (X/1), 55-57. (in Turkish).
21. Belli, O. & Tozkoparan, M. (2006). 2004 Yili Van-Yoncatepe Nekropolü Kazisi. In: *27. Kazi Sonuçlari Toplantisi*, (I). Ankara, Kültür ve Turizm Bakanligi Yayinlari, 165-182. (in Turkish).
22. Belli, O. (2011). 2009 Yılı Van-Yoncatepe Sarayı, Nekropolü ve Aşağı Kenti Kazıları. In: *32. Kazi Sonuçlari Toplantisi*, (I). Ankara, Kültür ve Turizm Bakanligi Yayinlari, 446-472. (in Turkish).
23. Belli, O. (1997). 1995 Yili Ashagi ve Yukari Anzaf Urartu Kaleleri Kazisi. In: *18. Kazi Sonuçlari Toplantisi*, (I). Ankara, Kültür Bakanligi Yayinlari, 379-410. (in Turkish).
24. Belli, O. & Ceylan, A. (2001). 1999 Yili Anzaf Kaleleri Kazisi ve Onarım Chalishmalari. In: *22. Kazi Sonuçlari Toplantisi*, (I). Ankara, Kültür Bakanligi Yayinlari, 385-398. (in Turkish).
25. Belli, O. (2002). Eski Chag ve Orta Chag'da Türklerde Kurgan Yapma Gelenegi. In: *Türkler* (ed.: H. C. Güzel, K. Chichek, S. Koca), (III). Ankara, Yeni Türkiye Yayinlari, 927-931. (in Turkish).
26. Chilingiroglu, A., & Derin, Z. (2000). Ayanis Kalesi Kazilari, 1998. In: *21. Kazi Sonuçlari Toplantisi*, (I). Ankara, Kültür Bakanligi Yayinlari, 397-408. (in Turkish).
27. Chilingiroglu, A. & Abay, E. & Derin, Z. (2002). 1999-2000 Yillari Van-Ayanis Urartu Kalesi Kazilari. In: *23. Kazi Sonuçlari Toplantisi*, (II). Ankara, Kültür Bakanligi Yayinlari, 287-296. (in Turkish).
28. Kurt, M. (2009). Yeni Asur Devleti'nin Kuzey Yayilimi ve Dogu Anadolu'nun Tarihi Cografyasi. *Dogu Anadolu Bölgesi Arastirmalari Dergisi*, (1), 1-13. (in Turkish).
29. Diler, A. (1988). Gökchesheyh Buluntulari Ishiginda Protomlu Boynuz Rhytonlariin Kökeni ve Gelishimi. *Belleten*, (LII/202), 19-31. (in Turkish).
30. Aktüre, S. (2003). Anadolu'da Demir Chagi Kentleri. Istanbul, Tarih Vakfi Yurt Yayinlari, 295. (in Turkish).
31. Erzen, A. (1979). Van Bölgesinde Yeni Urartu Arashtirmalari (1974'ten 1976'ya Kadar). In: *VIII. Türk Tarih Kongresi. Bildiriler* (Ankara, 11-15.10.1976), (I). Ankara, Türk Tarih Kurumu Yayinlari, 251-262. (in Turkish).

Работа поступила
в редакцию 09.09.2019 г.

Принята к публикации
15.09.2019 г.

Ссылка для цитирования:

Чочиев Г. В. Взаимоотношения киммерийцев и скифов с государством Урарту (по данным современной археологии Малой Азии) // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №10. С. 285-294. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/47/33>

Cite as (APA):

Chochiev, G. (2019). The Relationship of the Cimmerians and Scythians with the Urartian State (According to the Modern Archeology of Asia Minor). *Bulletin of Science and Practice*, 5(10), 285-294. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/47/33> (in Russian).